

Золотые лунным кышчузун



САРАФАН, ПЛАТОК, LABASE;
МУА АНАСТАСИЯ ИСАЕВА, CLARINS

Несколько месяцев назад героиня этой статьи попросила нашего креативного директора Соню Осипову помочь ей найти новый стиль. Мы в команде порадовались — вот решимость. И предложили Лене рассказать о своем опыте читателям журнала. Но история оказалась совсем не про стиль. А про смерть и воскресение.

Текст

Елена Казанцева

Фотографии

Наталья Монахова



ЕЛЕНА КАЗАНЦЕВА
ДО РАБОТЫ СО СПЕЦИА-
ЛИСТАМИ ПО ПЕРСО-
НАЛЬНОМУ СТИЛЮ

Меня зовут Елена Казанцева. Живу в Москве. Несколько десятилетий работаю на телевидении: была журналистом в новостях, шеф-редактором, автором документального кино.

Иногда я фантазирую: продюсеры поставили мне задачу — написать сценарий со множеством нестандартных сюжетных поворотов. Еще одно условие — оставить героя в кульминационной точке, не дав ему решения: пойти направо, налево или прямо. Просто оставить — пусть сам выбирает. Или ему кажется, что сам. Приблизительно так я думаю о своей жизни.

Моя кульминационная точка «случилась» год назад, в день, когда мне исполнилось 50. Цифра внушительная и обязывающая к подведению каких-то итогов. Когда думала о своем 50-летию в молодости,

представляла большую семью за столом, много тепла, много объятий. У меня все было совсем не так. Свой юбилей я отметила в реабилитационном центре для алко- и наркозависимых в статусе воспитанницы (слово-то какое — воспитанница!!!). Оказалась там из-за проблем с алкоголем. В момент попадания в рехаб оправдывала себя и стрессом на работе, который надо снимать; и тем, что «я же музыкант и журналист, а мы все выпиваем»; а самой веской, как мне казалось, причиной была смерть мамы. И вот спустя год нахождения в рехабе — мой юбилей. Рядом в тот день не было семьи, зато были такие же выздоравливающие. А еще — много вопросов, которые сводились к одному: что в моей жизни пошло не так? Откуда и почему у меня внутри образовался этот экзистенциальный вакуум, ощущение,

что все бессмысленно, «суета сует» и далее по Экклезиасту. Почему я вынуждена себе признаться, что не умею жить — точнее, проживать хорошие и плохие чувства, радоваться простым мелочам, переносить боль...

В день юбилея было много слез, мыслей, страхов. Разобрав себя за год реабилитации почти до основания, когда с болью отпускала все свои иллюзии, — я должна была заново себя собрать. И понять: кто я? Телевизионный журналист, работающий днями и ночами? Женщина бальзаковского возраста, которая несется за очередными удачными интервью? Философ-созерцатель, она же домохозяйка, которая читает тонны псевдопсихологической литературы? Ответов на эти вопросы у меня не было, но было решение — я хочу жить. И жить так, чтобы попробовать наверстать все то, что было потеряно, упущено, разбито.

Очень вдохновил меня рассказ психолога, работавшего со мной, о кинцуги — японской технике склеивания чаш. «Кинцуги» означает «соединение при помощи золота». Древнее искусство, когда керамическую чашу склеивают с помощью лака, смешанного с золотым порошком. Осколки собирают заново, и предмет, исчерченный золотыми трещинами, становится еще лучше, чем был.

А что, если сделать эту технику «второй жизни для керамики» метафорой своей жизни? И склеить все ее осколки составом золота, в котором будет самопознание, открытость миру и всему новому, не потакание, а работа со своими демонами-страхами? Вместо того чтобы скрывать свои шрамы, я должна научиться их чтить, отдавать должное и даже любить их. Ничто не разбивается непоправимо, как бы болезненно ни воспринималось это поначалу. Все можно соединить золотой нитью, и это сделает жизнь только лучше.

И я начала писать продолжение фильма после его кульминации. Отметив свой грустный 50-й день рождения, я, вместо того чтобы сразу ринуться в привычные телевизионные проекты, неожиданно для себя приняла решение: помогать таким же зависимым людям, как и я. Осталась в реабилитационном центре вначале добровольцем, потом стала консультантом по химическим зависимостям. У нас это называют служением, но мне кажется, это как-то слишком патетично. На самом

деле, я просто делюсь своим опытом проживания боли, непринятия и необходимости изменения себя. Главное — дать понимание того, что стоит только замедлиться на этом пути, и начнется спуск вниз. Даже если ты просто стоишь и отдыхаешь. Это как на эскалаторе с движением вверх. Должна сознаться, что люблю я эти образы-картинки. Сейчас часто читаю «Лествицу» Иоанна Лествичника — книгу, написанную в конце VI века. Казалось бы, он писал ее для монахов, а я нахожу много ответов на свои вопросы. И главное, сам образ лествицы — это лестница, с которой легко упасть. Раз — и ты внизу, как это было и со мной. На иконе, изображающей лествицу, есть и бесенята, которые роняют человека. Но это не катастрофа — они роняют, но человек может снова начать восхождение. Уронили — снова начал. Вот этот образ постоянного движения я пытаюсь в себе активировать, когда устаю и хочется лениться. Особенно по воскресеньям, когда в храме совершается Литургия. Нельзя, потому что сейчас вера, молитва — одни из моих главных опор. Потеряю их — потеряю душевное равновесие. Сейчас я снова вернулась в профессию журналиста, но уже без трудоголического фанатизма. И обстоятельства стали складываться так, что мне начали предлагать проекты, которые вдохновляют и приносят много радости: фильм о курсе журналистов-шестидесятников и о том времени, когда они учились; работы о художниках-передвижниках; интервью с замечательными людьми для проекта «История от первого лица», после которых возникает желание петь.

Кстати, о пении. Я музыкант по профессии, окончила Академию музыки имени Гнесиных. Никогда не пела, боялась. Давно, в детстве, учитель в хоре музыкальной школы занимался со мной дополнительно. Он очень верил в меня, говорил: «Я чувствую, что у тебя есть голос, но ты не даешь ему звучать». Сейчас впервые во время служб в храме я пою, причем во весь голос. Удивительно, он и правда звучит!

Еще одна детская любовь-страх — групповые занятия спортом с танцевальными элементами. Решила и здесь провести над собой эксперимент: записалась в спортклуб. Вначале очень стеснительно и неохотно, принуждая себя, а сейчас

Стоит только остановиться на этом пути вверх, и начнет- ся спуск вниз.



с воодушевлением хожу туда. Это дает столько позитива, уверенности в себе и желания двигаться, не останавливаясь, быть молодой и сильной.

За последний год у меня появилась привычка ежевечерне проводить «ревизию себя», саморефлексию: что я сделала за день, что собираюсь сделать завтра. Но главное — какие чувства и эмоции я испытывала: где пошла на уступки своим страхам, где превозмогла себя; как я воспринимаю себя в этом мире, насколько мне было комфортно или, наоборот, тяжело и почему. И несмотря на то, что многие знакомые крутили пальцем у виска, я пошла учиться психологическому консультированию. Это вообще целый новый мир: сообщество, терминология, техники, супервизии...

И, наконец-то, процесс изучения себя с позиции профессионала, постоянный диалог с собой. Такие моменты приносят облегчение, даже если иногда хочется плакать.

А сейчас — о самой поразительной вещи, которая со мной произошла за последнее время: мне вдруг захотелось быть собой не только внутренне, но и внешне, а попросту — без страха смотреть в зеркало. Несмотря на долгие годы работы на телевидении, никогда не уделяла этому большого внимания: не красилась; ходила в том, в чем удобно, не давая себе труда понять, что такое стиль, какой он у меня и как через него я могу выразить себя. И вдруг неожиданно — такие вопросы. Тогда я взяла несколько консультаций по персональному стилю и с радостью согласилась на эту съемку. С того безнадежно-грустного дня рождения прошел год. Я снова полюбила свою жизнь и теперь точно знаю, что такое золотые нити кинцуги. Занимаясь уже привычным самоанализом, я понимаю, что, как только формирую осмысленный вопрос к жизни и чувствую у себя готовность двигаться по направлению к цели, всегда находятся люди, готовые помочь, подсказать.

А еще я поняла преимущества своего возраста: мне уже не страшно быть смешной, и я могу (наверное, впервые в жизни!) говорить и делать то, что хочу. Это дает такую свободу и такое счастье полноты жизни! А вслед за ним — и благодарности: Богу, давшему мне болезнь и силы жить с ней радостно; миру и людям, оставшимся и появляющимся в моей жизни.